

РАЗРАБОТКА ПЛЕХАНОВЫМ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX в.

С полным основанием можно сказать, что до выхода в свет произведений Плеханова в 80-х годах XIX в. не было ни одной марксистской работы по истории русской философии. Он впервые поставил перед собой задачу рассмотреть ее с точки зрения материалистического понимания истории. Плеханов заявлял, что исходным пунктом анализа общественной и философской мысли должен стать основной тезис исторического материализма — бытие определяет сознание: «... история философских идей в обществе, разделенном на классы, должна представиться нам в свете того материалистического положения, что не мышление определяет собою бытие, а, наоборот, бытие определяет собою мышление».¹

С переходом Плеханова на позиции марксизма у него постепенно вырабатывается материалистический взгляд на историко-философский процесс в России. Первоначально анализу подвергаются отдельные звенья этого процесса в связи с борьбой против народничества. Еще в произведении «Наши разногласия» Плеханов рассматривает философские взгляды идеологов народничества, касается воззрений Герцена и Чернышевского. В 1890—1892 гг. он опубликовал работу «Н. Г. Чернышевский» в виде статей в четырех номерах русского журнала «Социал-демократ», выходявшего за границей. Это произведение с небольшими сокращениями было затем опубликовано в «Neue Zeit» (1890). В это время Плехановым была написана статья о Чернышевском для органа польской народно-социалистической партии «Rобудка», издававшегося в Париже. Однако нам неизвестно, была ли она напечатана. В бумагах Плеханова найден лишь неполный черновик этой статьи. В издательстве Дитца в 1894 г. вышла книга Плеханова «N. G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie». Она включала четыре статьи, опубликованные в «Социал-демократе», большое введение,

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, 1957, стр. 623.

специально написанное для данного издания, и некоторые дополнения.

В 1896 г. статьи Плеханова о Чернышевском вышли на болгарском языке. Их переводчик Г. И. Бакалов писал Плеханову в июле 1897 г.: «... ваши статьи о Чернышевском я считаю очень и очень важными, выше всякой похвалы. Я сам им лично очень обязан».²

В 1897 г. Плеханов опубликовал в легальном журнале «Новое слово» статью «Белинский и разумная действительность» под псевдонимом «Н. Каменский». В 1898 г. Плеханов произнес речь о Белинском по случаю пятидесятилетия со дня его смерти. Она была опубликована в 1899 г. отдельной брошюрой в Женеве издательством «Союз русских социал-демократов». В 1909 г. в издательстве «Шиповник» вышла в свет книга Плеханова «Н. Г. Чернышевский», в которую наряду со статьями из «Социал-демократа» включены новые материалы о русском мыслителе. В 1909 г. он опубликовал статью «Виссарион Григорьевич Белинский» в сборнике «История русской литературы XIX века», а в 1910 г. — статью «О Белинском» (в журнале «Современный мир»).

В последующее время Плеханов изучает материалы о Герцене. Весной 1911 г. он прочитал ряд лекций, содержание которых было положено в основу написанной им и опубликованной в журнале «Современный мир» статьи «А. И. Герцен и крепостное право». В том же журнале в 1912 г. появилась его статья «Философские взгляды А. И. Герцена», а в журнале «Будущее» (Париж, 1912) была опубликована речь Плеханова на могиле Герцена в Ницце. О Герцене он высказался и в рецензии на книгу Богучарского в журнале «Современный мир» (1912).

Помимо работ, посвященных анализу теоретических взглядов Чернышевского, Белинского и Герцена, Плеханов написал несколько статей о философских и общественно-политических воззрениях Чаадаева и др.

В работе «История русской общественной мысли», опубликованной в 1914 г., им были проанализированы взгляды русских мыслителей вплоть до Радищева. Несмотря на ошибочную концепцию исторического процесса в России и ложные идеи в области методологии, это последнее произведение Плеханова содержит немало интересных обобщений, правильных теоретических решений и конкретных фактов.

Не все написанное Плехановым равноценно, не все может считаться правильным; много спорного и противоречивого содержат его отдельные произведения. Ряд существенных ошибок Плеханова в изложении взглядов русских мыслителей объясняется изменением его политических взглядов после 1903 г., когда он примкнул к меньшевикам. Но в целом освещение им ряда кардинальных вопросов истории русской философии представляет собой большой

² Архив Дома Г. В. Плеханова, В.34.5, № 1349, л. 1.

вклад в марксистскую разработку истории философии в России. Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что он в этой области явился пионером, которому пришлось расчищать целину в острой борьбе с идеалистами и догматиками, отрицавшими за русскими мыслителями-материалистами право на самостоятельность и силу теоретического мышления, стремившимися представить историко-философский процесс как простую филиацию идей вне всякой связи с социально-экономическим развитием страны и освободительным движением против царизма. Естественно, что здесь не могли не возникнуть трудности анализа философского материала. Перед Плехановым не было еще примера марксистского освещения вопросов истории русской философии. Это нередко забывают исследователи плехановского наследия, стремящиеся усмотреть в некоторых противоречивых и неправильных суждениях Плеханова ошибки, проистекающие лишь из его ложной политической позиции.

Плеханову приходилось анализировать и защищать идеи русских мыслителей главным образом в 90-х годах в борьбе с народниками, пытавшимися в своих выступлениях против русских марксистов опереться на некоторые положения Чернышевского, Герцена и других отечественных философов и публицистов. Эти положения представляли собой односторонние суждения и были связаны с их утопическим социализмом, иногда, как у Герцена, с временными колебаниями в сторону либерализма.

Основные ошибки Плеханова в анализе взглядов русских мыслителей объясняются тем, что он рассматривал Белинского, Чернышевского и Герцена преимущественно как просветителей и утопистов-социалистов. При всей правильности характеристики революционной позиции этих мыслителей по отношению к самодержавию Плеханов не видел в их системе политических взглядов революционного демократизма. Если в доменьшевистский период в оценке политических взглядов Чернышевского он останавливается на критике последним буржуазного либерализма и показывает коренное отличие его позиции от буржуазных либералов, то впоследствии, будучи меньшевиком, Плеханов в своей работе о Чернышевском удалил из текста эту чрезвычайно важную характеристику.

В. И. Ленин, конспектируя работу Плеханова о Чернышевском, отметил изменения, которые внесены в нее автором после публикации статей в «Социал-демократе» (1894). Эти изменения касаются прежде всего характеристики политической позиции Чернышевского. В. И. Ленин считал, что Плеханов в оценке Чернышевского «из-за теорет(ического) различия ид(еалистического) и мат(ериалистического) взгляда на историю... просмотрел практич(ески) — полит(ическое) и классовое различие либерала и демократа».³

³ Ленинский сборник, XXV, 1933, стр. 231.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. В своих ранних работах о Чернышевском, как и о Белинском, Плеханов оценивает их как главных идеологов освободительного движения против царизма и крепостного права. В них одновременно он видит великих просветителей своего времени и утопистов-социалистов. Философские взгляды Белинского и Чернышевского расцениваются им как материализм, впитавший в себя наиболее прогрессивную часть воззрений Фейербаха и диалектику, усвоенную от Гегеля.

Социологические воззрения русских материалистов были впервые им выяснены и высоко оценены. В русских мыслителях Плеханов видел крупнейших философов и социологов своего времени. Особенно высоко он ценил Белинского, «И до сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской „действительности“». ⁴

Касаясь общего значения взглядов Чернышевского, Плеханов указывал, что они «являлись самым важным приобретением русской философской и общественной мысли». ⁵ Характеризуя роль романа Чернышевского «Что делать?» в общественной жизни России, он писал: «Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? Кто не увлекался им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее? Кого не поражала нравственная чистота главных действующих лиц? Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее». ⁶ Чернышевского он называл «нашим Лессингом», главой «крайней партии», «проповедником материализма и социализма», «коноводом» революционной молодежи. Им высказывалась мысль, что «Ничего невероятного нет в том предположении, что Чернышевский принадлежал к какому-нибудь революционному обществу. Напротив, такое предположение даже вполне вероятно». ⁷

Безусловно, Плеханов видел отличие Чернышевского от французских и немецких просветителей. Оно заключалось в том, что русский мыслитель был революционером, а французские и немецкие просветители, как и утописты, являлись реформаторами.

⁴ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. IV, М., 1958, стр. 541—542.

⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VI, стр. 337.

⁶ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. IV, стр. 159—160.

⁷ Там же, стр. 158.

Но в то же время Плеханов нередко сближал позицию русского мыслителя с таковой западноевропейских просветителей и утопистов-социалистов, вследствие чего исчезало коренное отличие воззрений Чернышевского от взглядов французских и немецких просветителей. К этому следует добавить, что анализ Плехановым недостатков политической позиции и мировоззрения Чернышевского иногда заслонял его позитивную революционно-демократическую программу. Вот почему он не смог показать во взглядах Чернышевского главного и решающего — революционного демократизма. Этому непониманию позже способствовал, как мы уже говорили, в значительной мере переход Плеханова на позиции меньшевизма.

Непонимание Плехановым специфики революционно-демократической программы великого русского мыслителя нашло свое отражение и в его анализе философских воззрений Чернышевского. Стремление всячески подчеркнуть историческую преемственную связь философских взглядов Чернышевского с воззрениями Фейербаха приводило Плеханова иногда к затушевыванию особенностей мировоззрения русского мыслителя, к недооценке его преимуществ перед немецким философом.

Несмотря на этот существенный недостаток в подходе к анализу воззрений Чернышевского, Плеханов впервые в литературе правильно раскрыл основные линии его философского мировоззрения. Он первый увидел в Чернышевском крупного русского философа-материалиста.

Плеханов справедливо указывал на исторические источники философских взглядов Чернышевского. Последний, говорил он, прошел школу Гегеля и Фейербаха и впитал лучшие традиции русской общественно-революционной мысли. Касаясь идеологической среды, в которой пришлось жить и действовать Чернышевскому, Плеханов писал: «Люди, знакомые с историей немецкой философии, продолжали уважать в Гегеле великого мыслителя, хотя и были теперь очень далеки от увлечения его философией. Для таких людей главным авторитетом в философии был тогда Фейербах», который, однако, «не дошел до диалектического взгляда на природу и на общество». ⁸ Отвлеченный характер философии Фейербаха не давал возможности открыть русским разночинцам конца 50-х годов слабую сторону утопического социализма. «А дальше Фейербаха в России никто не шел в то время. Исторические взгляды Маркса и Энгельса были там еще совершенно неизвестны». ⁹

В лице Фейербаха, замечает Плеханов, Чернышевский видел гениального философа. Для него он был не ниже Гегеля. Чернышевский был его последователем. «На Фейербаха, — писал Плеханов, — указывает самое название единственной философской

⁸ Там же, стр. 68.

⁹ Там же.

статьи, написанной Чернышевским: об *антропологической* точке зрения в философии заговорил впервые именно Фейербах». ¹⁰

Будучи последователем Фейербаха, Чернышевский усвоил и его недостаток — односторонность. «В материалистических взглядах Чернышевского, — отмечает Плеханов, — осталась неразвитою та самая сторона, которая мало была развита и у его учителя. Говоря вообще, Николай Гаврилович был еще чужд современного материалистического понимания истории, а там, где он силою своего ума приближается к нему, он часто придает ему довольно наивную форму». ¹¹

В своей работе о Чернышевском в 1890 г. Плеханов значительное место уделяет критике его социалистических и исторических взглядов. Это должно быть объяснено тем, что именно в это время ему приходилось вести борьбу с народничеством, которое стремилось уцепиться за недостатки утопического социализма и идеалистическое понимание истории, на почве которого в целом стоял Чернышевский. Вот почему Плеханов подвергает развернутой критике исторические воззрения Чернышевского. Он говорит о шаткости и неясности его точки зрения на исторический процесс, критикует его учение о нравственности, указывая, что «нельзя говорить о сознательном расчете пользы, как о первичном двигателе общественного развития», что «подобный взгляд на историю противоречит учению новейшего материализма». ¹² «В исторических взглядах нашего автора, — продолжает Плеханов, — случайности отводится вообще очень широкое место», ¹³ его гипотетический метод противоречит историческому методу и т. д.

В итоге Плеханов приходит к следующему выводу: «Исторические и социалистические взгляды Чернышевского ни в каком случае не могут быть признаны удовлетворительными с точки зрения современной нам европейской науки. Тот, кто вздумал бы держаться их в настоящее время, был бы совершенно отсталым человеком». ¹⁴ «Но для его времени и для его страны даже те его взгляды, которые мы должны теперь признать ошибочными, все-таки были в высшей степени важными и благотворными, потому что они будили русскую мысль и толкали ее на тот путь, на который ей не удалось выступить в предшествующий период: на путь исследования общественных и экономических вопросов». ¹⁵

Рассматривая философские и исторические взгляды Чернышевского в историческом плане, Плеханов раскрывает их преимущество по сравнению со взглядами его предшественников. Он говорит, что Чернышевский в своих социалистических убеждениях был чужд

¹⁰ Там же, стр. 78.

¹¹ Там же, стр. 88.

¹² Там же, стр. 90.

¹³ Там же, стр. 97.

¹⁴ Там же, стр. 120.

¹⁵ Там же, стр. 121.

странных фантазий Фурье, критически относился к Сен-Симону и не обольщался надеждами Оуэна и тем не менее его взгляд на социализм был утопическим. Плеханов при этом обращает внимание на то, что во взглядах Чернышевского содержалась рациональная мысль. «В снах Веры Павловны, — замечает он, — мы видим такую черту социалистических взглядов Чернышевского, на которую, к сожалению, не обращали до сих пор достаточного внимания русские социалисты. В этих снах нас привлекает вполне усвоенное Чернышевским сознание того, что социалистический строй может основываться только на широком применении к производству технических сил, развитых буржуазным периодом». ¹⁶

В историческом плане Плеханов высоко оценивает экономические взгляды Чернышевского, его полемику с манчестерцами, критику взглядов вульгарной политической экономии. «Его статья, — писал он, — „Экономическая деятельность и законодательство“ может считаться одним из самых ловких опровержений теории „Laissez faire, Laissez passer“ не только в русской экономической литературе, где Чернышевский до сих пор занимает первое место, но и вообще в литературе европейского социализма». ¹⁷

Вместе с тем Плеханов указывал, что экономические воззрения Чернышевского страдают неясностью, противоречивостью. «Выбора книги Милля как пособия для распространения в русской читающей публике правильных политико-экономических воззрений, — замечает он, — никак нельзя признать удачным. Экономические взгляды Милля так неясны и непоследовательны, что в голове читателя никак не могло остаться ясных экономических понятий, несмотря на все поправки и дополнения, сделанные Чернышевским. Временами на самом Чернышевском заметно отражается влияние свойственного Миллю „синкретизма“». ¹⁸

Плеханов прекрасно понимал и подчеркивал, что слабая сторона воззрений Чернышевского обуславливается тем, что ему было незнакомо учение Маркса — Энгельса. «В настоящее время, стоя на точке зрения Маркса, мы можем, — констатирует он, — осуждать очень многое в теоретических рассуждениях и практических планах Чернышевского». ¹⁹ Но для своего времени они были в высшей степени важными и благотворными.

Свой анализ Плеханов строит в двух планах: историческая оценка взглядов Чернышевского и критический разбор их с позиций марксизма. Этот план объяснялся тем, что в то время необходимо было дать отпор народничеству, которое пыталось в борьбе с марксистами использовать слабые стороны Чернышевского.

Вот этого последнего обстоятельства часто не видят исследователи Плеханова, которые стремятся подчеркнуть выдвижение им

¹⁶ Там же, стр. 164.

¹⁷ Там же, стр. 141.

¹⁸ Там же, стр. 156.

¹⁹ Там же, стр. 121.

на первый план критического подхода к идеям Чернышевского и даже отсутствие понимания новаторства в его взглядах. Плеханов прекрасно понимал высокий уровень взглядов Чернышевского. «Раскрытая Михайловским „перспектива законов и параллелей биологического характера“, — замечает он, — была огромным шагом назад в сравнении с общественными взглядами Чернышевского».²⁰ Нам представляется, что некоторые авторы подходят к ранним работам Плеханова неисторически.

Между тем его труды о Чернышевском свидетельствуют о тех дополнениях и изменениях, которые он вносил в них сообразно времени и обстоятельствам, при которых они писались, а также соответственно изменению своей теоретической или политической позиции.

Произведение Плеханова «Н. Г. Чернышевский» (1909) представляет собой труд, в котором наиболее полно исследованы теоретические, в том числе философские воззрения Чернышевского. Но в этой работе Плеханов неправильно изложил политическую позицию Чернышевского, затушевав его непримиримое отношение к либерализму. Здесь он глубже исследует вопрос о содержании философских взглядов Чернышевского, более подробно (в специальной главе) выясняет влияние гегелевской диалектики на формирование его взглядов и анализирует применение им диалектики к литературной деятельности и истории.

Приведя свидетельства Чернышевского о диалектике, Плеханов приходит к выводу, что он, «сознавая важное значение диалектического метода, все-таки далек был от понимания его главного преимущества и потому не сумел подвергнуть его той переработке, какую он получил у Маркса и Энгельса. Чернышевский был материалистом; но в его философских взглядах замечается лишь зародыш — правда, вполне жизнеспособный зародыш — материалистической диалектики. Это не удивит нас, если мы припомним, что таким же недостатком страдало и мирозерцание его учителя Фейербаха. Только Марксу и Энгельсу, тоже прошедшим в свое время школу Фейербаха, удалось устранить этот недостаток и сделать новейший материализм учением диалектическим по преимуществу».²¹

Плеханов, однако, несоразмерно мало внимания уделяет анализу диалектики Чернышевского. Между тем последний подходил к диалектике Гегеля с различных сторон, видел многие ее моменты, стремился их материалистически переработать. Плеханов же считал, что, по Чернышевскому, главной отличительной чертой диалектического метода является рассмотрение, обозрение предмета со всех сторон, требование конкретности подхода. Конечно, Чернышевский выдвигал этот тезис как весьма суще-

²⁰ Там же, стр. 229.

²¹ Там же, стр. 270.

ственный, но он вовсе не сводил к этому требованию все содержание диалектики.

Плеханов замечает, что «диалектический метод характеризуется прежде всего и главным образом тем, что он в самом явлении, а не в тех или других симпатиях и антипатиях исследователя ищет сил, обуславливающих собой развитие этого явления. К этому сводятся все главные преимущества диалектического метода, а между ними и то, что он не оставляет места „для общих, отвлеченных изречений, опирающихся на субъективное пристрастие исследователя“».²²

Плеханов считал, что Чернышевский не понял противоречивости развития в обществе вследствие идеалистической позиции, которую последний занял в вопросах объяснения общественных явлений. Это положение нуждалось в известных поправках. Но Плеханов совсем не прав, утверждая, что Чернышевский не выдвигал вопроса о противоречивости развития вообще. Принцип противоречивости развития Чернышевский связывал с идеей диалектического отрицания, которой, как известно, он придавал большое значение при анализе не только естественных, но и общественных явлений. Больше того, сам Плеханов вынужден был признать, что Чернышевский применяет этот принцип и при анализе исторических событий. Нам нет необходимости приводить свидетельства, которые подтверждают более глубокое понимание Чернышевским диалектики, чем это представляет в своей характеристике Плеханов. Но нельзя не согласиться с утверждением Плеханова об отсутствии у Чернышевского последовательного проведения этого диалектического принципа в истолковании исторического процесса.

Во всяком случае, несмотря на недооценку значения диалектики в философских взглядах Чернышевского, Плеханов первый обратил внимание на самостоятельность трактовки некоторых сторон диалектики Чернышевским и применение им ее к некоторым историческим проблемам и к вопросам литературной критики.

В своем анализе взглядов Чернышевского Плеханов уделяет некоторое внимание и его теории познания. В статье «Н. Г. Чернышевский» он приходил к выводу, что Чернышевский стоял в указанном вопросе на точке зрения Фейербаха, которая, по его мнению, наиболее соответствует нынешнему состоянию естествознания. Однако Плеханов делает при этом справедливое замечание: «Правда, философия Фейербаха была подвергнута дальнейшей и в высшей степени плодотворной переработке Марксом и Энгельсом. С этой стороны она в некоторых своих частях является уже „превзойденною ступенью“ философского развития. Но эта сторона дела осталась, как это по всему видно, неизвестной нашему

²² Там же, стр. 269.

автору. Винить за это нужно, разумеется, не его, а те условия, в которых он прожил вторую половину своей жизни».²³

Нам представляется, что в анализе теоретико-познавательных вопросов в мировоззрении Чернышевского Плеханов не обратил должного внимания на тот факт, что Чернышевский делает известный шаг вперед по сравнению с Фейербахом. Мы имеем в виду более глубокую постановку им вопроса об отражении в сознании человека явлений мира, о содержании истины и значении опыта и практики в познании.

Плеханов видит заслугу Чернышевского в том, что он с материалистических позиций критикует идеалистическую теорию познания, особенно субъективный идеализм. «Чернышевский, — писал он, — называет иллюзионизмом ту теорию познания, которая в логическом развитии должна привести к отрицанию реальности человеческого организма. Он называет ее новой формой средневековой схоластики и утверждает, что она рассказывает ту же самую фантастическую сказку, какую рассказывала некогда схоластика».²⁴

Плеханов видит заслугу Чернышевского и в том, что тот понимал связь философии с политикой того или иного класса. Касаясь вопроса причин распространения субъективного идеализма, он замечает, что «Чернышевский ставил широкое теперь распространение философского „иллюзионизма“ в причинную связь с упадком того общественного класса, идеологами которого служат, в огромнейшем большинстве своем, философы нашего времени».²⁵

Итак, в своем анализе Плеханов показал, что Чернышевский — видный русский мыслитель — материалист, усвоивший самые прогрессивные идеи философии своего времени (Фейербаха и Гегеля) и развивавший свое мирозерцание в том направлении, в котором развивали философию Маркс и Энгельс, создавшие современный материализм. Это весьма важное положение Плеханова отводило Чернышевскому одно из первых мест в истории русской философии. Выдвигая этот тезис, Плеханов подверг вместе с тем критическому разбору философские взгляды Чернышевского. В этой критике он был не всегда прав в отношении отдельных проблем, но в целом она являлась справедливой, преследуя цель показать превосходство современных философских взглядов марксизма над пройденным этапом исторически прогрессивных взглядов Чернышевского.

Свой анализ общеполитических воззрений Чернышевского Плеханов дополняет подробным рассмотрением его социологических идей. В лице Чернышевского он видит крупного и глубокого социолога, для которого были присущи материалистические тенденции в решении некоторых существенных вопросов понимания исторического процесса.

²³ Там же, стр. 276.

²⁴ Там же, стр. 273.

²⁵ Там же, стр. 275.

В работе «Н. Г. Чернышевский» Плеханов вскрывает эти материалистические тенденции на примере ряда его произведений. Касаясь его последних сочинений, он замечает: «В сочинениях, написанных Чернышевским по возвращении из Сибири, тоже встречаются поразительно меткие замечания, насквозь пропитанные духом материалистического объяснения истории».²⁶

Одной из глав своего произведения Плеханов дал следующее название: «Материализм в исторических взглядах Чернышевского». В ней он прослеживает материалистические тенденции во взглядах Чернышевского, вскрывая одновременно противоречивость решений последнего. В итоге он приходит к такому заключению относительно элементов материализма в системе взглядов Чернышевского: «Не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Это положение, составляющее основу философии Фейербаха, прилагается Чернышевским к объяснению истории экономической науки, политической теории и даже философии. Чернышевский видит, что в общественном бытии есть взаимно противоположные элементы; он видит также, каким образом борьба этих взаимно противоположных общественных элементов вызывает и определяет взаимную борьбу теоретических идей. Но этого мало. Он видит не только то, что развитие всякой данной науки определяется развитием соответствующей категории общественных явлений. Он понимает, что взаимная классовая борьба должна накладывать свою глубокую печать на всю внутреннюю историю общества».²⁷

Однако, по словам Плеханова, материализм исторических взглядов Чернышевского «чуть не на каждом шагу уступает в них место идеализму, и наоборот, причем окончательная победа все-таки достается идеализму».²⁸

В главе «Идеализм в исторических взглядах Чернышевского» Плеханов прослеживает «неустойчивость, этот постоянный, заметный для современного читателя, но незаметный для автора переход от материализма к идеализму».²⁹

Плеханов не без основания отвергает тезис, согласно которому Чернышевский в разное время держался разных взглядов на исторический процесс; дело обстоит таким образом, что «он держался разных взглядов в одно и то же время, и это характерно для него, как для человека, еще не успевшего свести к одному принципу свои исторические взгляды и потому, так сказать, одновременно державшегося и материализма, и идеализма в своих рассуждениях о ходе истории».³⁰

В решении коренных причин развития общества Чернышевский

²⁶ Там же, стр. 338.

²⁷ Там же, стр. 298.

²⁸ Там же, стр. 299.

²⁹ Там же, стр. 302.

³⁰ Там же, стр. 304.

придерживался идеалистического понимания истории, выдвигая на первый план прогресс умственного развития как основу исторического процесса. «... когда он, — замечает Плеханов, — сводил в одно целое свои отдельные исторические взгляды, он как будто совсем забывал свои материалистические мысли и ставил развитие бытия в причинную зависимость от развития сознания».³¹

В целом Плеханов дал правильную оценку историческим взглядам Чернышевского, хотя при анализе отдельных произведений в ряде случаев он переоценивал или недооценивал у него элементы материализма. Он, например, переоценивает взгляды Чернышевского по вопросу о взаимоотношении природы и общества. Это видно, например, из его утверждения, будто «мысль Чернышевского о влиянии природы на человека совершенно сближается с нашим взглядом на тот же предмет: естественные условия влияют на людей, определяя собою их взаимные отношения в обществе. Этот взгляд был прекрасно формулирован Марксом».³²

Недооценку воззрений Чернышевского мы находим у Плеханова при анализе вопроса о роли масс в развитии общества. Трудно согласиться с его положением о том, что «Массе отводится у него (Чернышевского, — Б. Ч.) роль отсталых солдат подвигающейся вперед армии».³³ Этот тезис находится во внутренней связи с недооценкой Плехановым революционного демократизма Чернышевского.

Но в целом анализ исторических взглядов Чернышевского дан Плехановым с марксистских позиций. Он далек от модернизации философских воззрений Чернышевского, от прикрашивания их, что нередко встречается в нашей литературе при характеристике взглядов великого русского философа.

Плеханов выступил решительным противником модернизации взглядов Чернышевского. Он не соглашался с позицией, занятой Ю. М. Стекловым в книге «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность» (1828—1889), вышедшей в 1909 г. Последний считал, что Чернышевский не был социалистом-утопистом и в области понимания истории вплотную подошел к историческому материализму. Плеханов подверг такой взгляд обстоятельной критике в рецензии в апрельской книге «Современного мира» за 1910 г.

В своих работах о Чернышевском Плеханов критически проанализировал его эстетические воззрения, правильно указывая, что философским ядром их является материализм. В заслугу Чернышевскому он ставит то, что тот выступил противником идеалистической эстетики. Чернышевский противопоставил абстрактным положениям идеализма материалистическое понимание искусства. Исходя из материалистического тезиса «искусство воспроизводит действительность», он дал трактовку эстетическим категориям прекрасного, возвышенного, трагического и пр.

³¹ Там же, стр. 319.

³² Там же, стр. 293.

³³ Там же, стр. 324.

Плеханов высоко оценивает роль Чернышевского в подходе и разработке материалистической эстетики. Но он в то же время считает, что ему «не удалось поставить эстетику на материалистическую основу вследствие... важных пробелов в Фейербаховом материализме».³⁴

Прав Плеханов, когда отмечает, что Чернышевский не смог этого сделать до конца потому, что не стал последователем исторического материализма и не сумел в необходимой мере применить в эстетике диалектический метод. Однако в своем анализе он недооценивает то обстоятельство, что Чернышевский, несмотря на то что не стал историческим материалистом, все же с позиций материалистической теории познания сумел обосновать важнейшие положения эстетики. Здесь безусловно большое значение имели элементы материалистического понимания истории в общей системе взглядов Чернышевского. Без последних невозможно было решить проблему эстетики в том виде, как это было сделано Чернышевским.

Вот этого и не видит Плеханов, что составляет существенный недостаток его анализа.

В целом, однако, оценка Плехановым философских взглядов Чернышевского покоится на правильной марксистской основе.

Выступление Плеханова с работами о Чернышевском, в которых он раскрыл его мировоззрение и показал его роль в подготовке почвы для распространения марксистских идей в России, получило положительную оценку В. И. Ленина, который в 1899 г. писал: «Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-Демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса».³⁵

Плеханов впервые, что составляет его несомненную заслугу, познакомил со взглядами Чернышевского Западную Европу. Каутский в письме к Плеханову от 28 сентября 1891 г. не без основания отметил: «Очень радуюсь вашей работе о Чернышевском. До сих пор нам изображали русские условия в таком идеологическом освещении, что ваши работы буквально открывают нам новый, доселе неведомый мир. Я очень многое почерпнул из каждой вашей статьи».³⁶

Плеханов подверг также всестороннему анализу и философские взгляды Белинского, которого он считал глубоким мыслителем и социологом своего времени. Ему он посвятил следующие произведения: «Белинский и разумная действительность» (1897), «Литературные взгляды В. Г. Белинского» (1897), «В. Г. Белинский» (1903), «О Белинском» (1910), «Виссарион Белинский и Валериан Майков» (1911) и некоторые другие.

³⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. V, М., 1924, стр. 130.

³⁵ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 249.

³⁶ Группа «Освобождение труда», сб. № 5, М., 1926, стр. 206—207.

Плеханову первому принадлежит историческая заслуга рассмотрения философских, социологических и литературных взглядов Белинского с марксистских позиций. Он дал в целом правильную их характеристику и сумел определить место Белинского в развитии философской и социологической мысли в России.

Нельзя забывать того, что казенная и либеральная наука того времени всячески принижала значение теоретических взглядов Белинского, отказывала ему в самостоятельности разработки философских, социологических и эстетических проблем, превращала его в жалкого эпигона немецкой идеалистической философии. Плеханов открыл для марксистской истории философии в Белинском наряду с Чернышевским видного философа и социолога XIX в. Отдельные его ошибки или неточности в освещении взглядов Белинского не могут умалить этого важного исторического факта.

Между тем мимо этого обстоятельства нередко проходят некоторые авторы, разбирающие сочинения Плеханова о Чернышевском и Белинском. Большим достоинством работы М. Т. Иовчука «Плеханов и его труды по истории философии» является правильная постановка вопроса в этом плане.

Нам представляется необходимым более резко подчеркнуть эту заслугу Плеханова. Последующая марксистская мысль так или иначе отправлялась от того, чего достиг Плеханов в установлении места и роли Белинского в истории русской философии.

При рассмотрении теоретических воззрений Белинского Плеханов показывает его философский путь и процесс овладения им диалектикой. Не во всем он прав в характеристике этого процесса. Но в целом Плеханов блестяще раскрывает тернистый путь исканий правды, которую Белинский находит в диалектическом подходе к действительности. С диалектикой последний не расстался. «У нас принято думать, — замечает Плеханов, — что, „раскланявшись с философским колпаком“ Гегеля, Белинский совсем оставил его философию. Это большая ошибка. На самом деле он отвернулся лишь от консервативной ее стороны, вполне усвоив ее теперь в ее более глубоком значении, т. е. как „алгебру революции“». ³⁷

Плеханов подчеркивает, что статья Белинского, анализирующая книгу Глинки о Бородинском сражении, верна в своих основаниях, но что нужно было в ней развить идею отрицания. В отличие от многих авторов он справедливо видел, что в период так называемого примирения с действительностью Белинский отстаивал весьма важную идею в теоретическом плане. «Какая же это идея? — спрашивает Плеханов. — Это все та же основная идея всей философии Гегеля: *идея законосообразного развития*. Но как же было с этой точки зрения развить идею отрицания применительно к русским

³⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. IV, стр. 487.

общественным отношениям? Нужно было показать, что тот общественный и политический порядок, который так тяготил Белинского и его единомышленников, не мог быть вечен, что он имеет лишь временное, преходящее значение и что последующее историческое движение непременно должно его смести с лица русской земли, как смело оно, скажем, порядки удельно-вечного периода». ³⁸

Плеханов справедливо усматривал выдающееся значение исканий Белинского на пути диалектического объяснения процесса движения общества. Главнейшим предметом умственной работы Белинского он считал «отрицание абстрактного, утопического идеала, стремление развить идею отрицания, опираясь на закономерное развитие самой общественной жизни. С этой стороны еще никто не смотрел на Белинского, а она в настоящее время важнее для нас, чем все остальные». ³⁹

Белинский, как известно, стремился найти реальные внутренние связи и взаимодействие явлений исторической жизни, раскрыть закономерности развития общества. Он был противником идеографического метода объяснения исторических событий. В этой связи Белинский критиковал Канта за игнорирование исторической закономерности в объяснении общества, за эмпирический подход к событиям истории. 17 февраля 1847 г. он писал Боткину: «Кант не видит исторического прогресса, живой связи, проходящей живым нервом по живому организму истории человечества. Из этого я вижу, что область истории закрыта для его ограниченности». ⁴⁰

По мнению Плеханова, глубокий диалектический взгляд на исторический процесс характеризует позицию Белинского. Плеханову принадлежат слова о том, что Белинский является гениальным социологом своего времени, так как он «обнаружил изумительную пронизательность в постановке — если не в решении — самых глубоких и самых важных вопросов нашего общественного развития. А когда стало ясным это обстоятельство, тогда само собой выяснилось и то, что уже недостаточно сказать о Белинском: „до сих пор влияние его литературной деятельности чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного“; тогда стало очевидно, что к этому необходимо прибавить, что *и до сих пор каждый новый шаг вперед, делаемый нашей общественной мыслью, является новым вкладом для решения тех основных вопросов общественного развития, наличие которых открыл Белинский чутьем гениального социолога, но которые не могли быть решены им вследствие крайней отсталости современной ему российской „действительности“*». ⁴¹

³⁸ Там же, стр. 487—488.

³⁹ Там же, стр. 497.

⁴⁰ В. Г. Белинский, Письма, т. III, СПб., 1914, стр. 174.

⁴¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. IV, стр. 541—542.

Постановка вопроса Плехановым о Белинском как гениальном социологе своего времени отражала действительное содержание взглядов последнего. Важнейшей проблемой исторической науки для Белинского являлся вопрос об общественно-исторической закономерности. По его мнению, философия истории заключается в установлении внутренней связи, исторической закономерности. С точки зрения Белинского, история человечества представляет собой закономерный, органический процесс, в котором происходит смена его духовного и материального состояния; между прошлым, настоящим и будущим в обществе существует внутреннее единство и связь; мы вопрошаем и запрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о нашем будущем.

Белинский отвергал взгляд на исторический процесс как на скопление случайных событий и их произвольное течение. Он впоследствии преодолел элемент фатализма, который получил свое отражение в некоторых его статьях, относящихся ко времени его так называемого «примирения с действительностью». В своей статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский остро ставит вопрос о соотношении случайности и необходимости в историческом процессе. Он разрешает его диалектически, усматривая в случайности форму дополнения и проявления необходимости. «Разумеется, — писал Белинский, — и в сфере истории все мелкое, ничтожное, случайное могло бы быть и не так как было, но ее великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут быть иначе, как именно так, как они бывают, разумеется в отношении к главному их смыслу, а не к подробностям проявления».⁴²

Нет необходимости приводить дополнительные свидетельства в пользу справедливости оценки Плехановым социологических взглядов Белинского.

Заслугой Плеханова является постановка вопроса об эволюции Белинского от идеализма к материализму. Как ни спорны его некоторые мысли о фазисах развития философских воззрений Белинского (об этом мы скажем позже), положение о том, что Белинский в процессе своего умственного развития встал на позиции материализма, вошло прочно в марксистскую литературу.

Критикуя позицию А. Н. Пыпина, высказанную в книге «Белинский, его жизнь и переписка», Плеханов указал, что характеристика развития Белинского, данная Пыпиным, неверна. Плеханов говорил, что «краткий период времени, с конца 1842 г. до смерти Белинского (26 мая 1848 г.), не может считаться однообразным в смысле философского „настроения“. В начале этого периода Белинский продолжает тяготеть к идеализму Гегеля, в конце его он обеими ногами стоит на точке зрения Фейербаха

⁴² В. Г. Белинский, Собрание сочинений, т. IV, Изд. Иогансова, Киев, 1908, стр. 176.

материализма. Этот переход его от идеализма к материализму до сих пор очень плохо выяснен; но, как мы сейчас увидим, без его понимания невозможно понимание даже чисто литературных взглядов Белинского».⁴³ Белинский покинул гегелевское понимание действительности и встал на точку зрения Фейербаховского ее понимания.

Плеханов справедливо указывает, что Белинский уже с начала 1842 г. был знаком и все более подпадает под влияние Фейербаха. «Вместе с тем, — замечает он, — уже в сочинениях Белинского, относящихся к 1843 году, попадаются выражения и целые страницы, заставляющие предполагать, что он уже тогда испытывал на себе некоторое влияние Фейербаха».⁴⁴

В теснейшей связи с переходом Белинского к материализму Плеханов рассматривает его переход к социализму. Он отмечает все попытки объявить критические замечания Белинского в адрес утопического социализма в лице Луи Блана и других как показатель его отхода от социализма. Замечания Плеханова в этом плане довольно основательны. Он указывал, что Белинский, будучи сторонником идей общественной закономерности, не мог согласиться со многими положениями утопического социализма. «*Будущее развитие России, — писал Плеханов, — ставится теперь им в зависимость от ее экономического развития: для гражданского развития России необходимо превращение дворянства в буржуазию.*»⁴⁵ Белинский связывает осуществление социализма в стране с ее экономическим развитием, пытается подойти к социализму как к закономерному процессу.

В трудной борьбе с консервативными тенденциями Гегеля, субъективизмом Фихте и позитивизмом Конта Белинский выработал правильное представление об объективной закономерности исторического процесса.

Плеханов справедливо отверг попытку приписать Белинскому «увлечение» Контом, идеями позитивизма, высказав весьма важное предположение о том, что взгляды Белинского развивались в том направлении, в котором развивались взгляды Маркса и Энгельса. Он обратил внимание на то, что Белинский был знаком с некоторыми ранними произведениями основоположников диалектического материализма. «Если уж пошло на предположения, — писал Плеханов о Белинском, — то мы позволим себе предположить, что со временем он сделался бы ревностным адептом того диалектического материализма, который во второй половине девятнадцатого века явился на смену отжившей свое время идеалистической философии: историческое развитие увлекшей его философской

⁴³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. IV, стр. 545.

⁴⁴ Там же, стр. 583.

⁴⁵ Там же, стр. 520.

мысли направлялось как раз в эту сторону, и недаром он с удовольствием читал „Deutsch-Französische Jahrbücher“, в которых писали будущие основатели диалектического материализма. Если он ничего не имел против их взглядов в 1845 году, то почему восстал бы он против них впоследствии, когда они развились и получили прочное обоснование?». ⁴⁶

После этого, безусловно справедливого предположения Плеханов указывает, что общественная среда, окружавшая Белинского, была неблагоприятной. «Самый гениальный человек, — замечает он, — нуждается для своего развития в благоприятном влиянии со стороны окружающей его среды; у нас же эта среда была страшно неразвита во всех отношениях». ⁴⁷

Плехановский анализ взглядов Белинского и их теоретическая оценка не могут не быть в целом приняты марксистской мыслью. Однако нельзя согласиться с его двумя положениями, которые имеют весьма важное значение для понимания мировоззрения Белинского и его эволюции. Мы, конечно, имеем в виду не отдельные частные ошибки или неточности Плеханова, о которых немало говорят авторы работ о нем. Дело идет о следующих принципиальных сторонах анализа: во-первых, об этапах умственного развития Белинского и, во-вторых, о социально-политической оценке его взглядов.

Остановимся на первом вопросе.

В работе «Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848)», написанной Плехановым в 1909 г., история умственного развития Белинского схематически охарактеризована следующим образом: «Три первые акта умственной драмы Белинского можно озаглавить так: 1) абстрактный идеал и фиктеанство; 2) примирение с „действительностью“ под влиянием „абсолютных“ выводов гегелевой философии; 3) восстание против „действительности“ и переход частью на отвлеченную точку зрения „личности“, частью на конкретную точку зрения гегелевой диалектики. Четвертый акт этой драмы начался полным разрывом с идеализмом и переходом на материалистическую точку зрения Фейербаха. Но рука смерти опустила занавес после первых же сцен этого акта». ⁴⁸

Мы согласны, за исключением, может быть, отдельных частей, с критическим анализом этой плехановской схемы, развернутым М. Т. Иовчуком в книге «Г. В. Плеханов и его труды по истории философии». «Действительная история идейно-теоретического, философского развития Белинского, — справедливо пишет М. Т. Иовчук, — существенно отличается от схематического и во многом неточного представления Плеханова о философской эволюции великого критика». ⁴⁹

⁴⁶ Там же, стр. 454—455.

⁴⁷ Там же, стр. 455.

⁴⁸ Там же, стр. 539.

⁴⁹ М. Т. Иовчук. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960, стр. 240.

Само собой разумеется, плехановская формула умственного развития Белинского содержит некоторые правильно подмеченные стороны эволюции философских взглядов Белинского.

Нельзя, например, согласиться с мнением М. И. Сидорова, высказанным в работе «Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в.». Он считает, что эта формула возникла у Плеханова в результате его перехода к меньшевикам. «В меньшевистский период деятельности в соответствии со своими новыми установками, — пишет М. И. Сидоров, — Плеханов по-другому изложил взгляды и другого великого русского революционного демократа — В. Г. Белинского. Плеханов изобразил дело так, будто Белинский в своем идейном развитии переходил от одной теоретической системы к другой: шеллингианство, фиктеанство, гегельянство, фейербахианство — вот, по мнению Плеханова, важнейшие этапы идейного развития Белинского». ⁵⁰

Нам представляется, что Плеханов и в своих ранних произведениях, а не только в произведениях меньшевистского периода отмечает указанные выше этапы в философском развитии Белинского.

Плеханов правильно отмечает смену влияний немецких мыслителей разного направления на взгляды Белинского. Но его ошибка заключается в абсолютизации этого влияния.

Однако надо подчеркнуть, что Плеханов неоднократно говорит о влиянии на Белинского и других идейных источников. В частности, он указывает на влияние идей Рабле, Шиллера, мыслителей Франции XVIII в., кружка Станкевича и др. Но это влияние на формирование и развитие философских воззрений Белинского прослеживается Плехановым явно недостаточно.

Как известно, еще со времени поступления в Московский университет Белинский испытывает влияние социально-политических взглядов Радищева, которые, как и революционные мотивы декабристской поэзии в лице Полежаева и Рыльева, нашли свое прямое отражение в ранней драме Белинского «Дмитрий Калинин». В этом произведении раскрываются весьма важные черты мировоззрения автора — антикрепостническая направленность и вольнолюбивые идеи.

Значительное влияние на воззрения Белинского оказали его участие в кружке Станкевича, а также взгляды Надеждина, издателя и редактора «Телескопа» и «Москвы». При анализе философских воззрений Белинского надо иметь в виду то чрезвычайно важное обстоятельство, что он, пребывая на позициях идеалистической философии, непрерывно развивал и укреплял реалистический подход к действительности. Было бы неправильно недооцени-

⁵⁰ М. И. Сидоров. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 98.

вать влияние на Белинского также реалистического направления современной ему русской литературы в лице Пушкина и Гоголя.

Понятие объективной действительности, жизни, обогащаемое реалистическим содержанием, приходило в противоречие с абстрактными идеями немецкой идеалистической философии и постепенно подводило Белинского к материалистическому мирозерцанию. «... в горниле моего духа, — замечает Белинский, — выработалось самостоятельно значение великого слова *действительность*».⁵¹

Это был трудный и болезненный процесс, который нашел свое отражение в 1836 г. во временном принятии Белинским отдельных положений философии Фихте, а в 1837—1839 гг. привел его даже к временному примирению с тогдашней действительностью. В последнем обстоятельстве, как это выясняет Плеханов, сыграл определенную роль дух той гегелевской философии, которая выразилась в предисловии к «Философии права».

Но Белинский даже в этот период наибольшего увлечения философией Гегеля указывал, что не все истины ее правильны. Так, например, он пишет Бакунину: «Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать... что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны».⁵²

Плеханов прав, когда в своей статье «Белинский и разумная действительность» подверг критике «либеральных говорунов», вроде Волинского, которые не заметили тех важных идей об объективной закономерности, которыми было полно сознание Белинского в это время. «Нужно быть очень почтенным русским „социологом“, — замечает он иронически, — чтобы в примирительных взглядах Белинского не заметить ничего, кроме „философского вздора“».⁵³

Выступая в защиту Белинского, Плеханов указывал, что тот «обнаружил огромное чутье правды, когда с восторгом поспешил усвоить себе и с жаром принялся проповедовать взгляд на историю, как на необходимый и потому законосообразный процесс. В этом случае в лице Белинского русская общественная мысль впервые с гениальной смелостью взялась за решение той же великой задачи, которая, как мы видели, влекла к себе лучшие умы девятнадцатого века».⁵⁴

Итак, анализ приводит нас к убеждению, что формула Плеханова о философском пути развития Белинского, правильно отмечая некоторые важные вехи его, нуждается в значительных и серь-

езных коррективах. Кстати следует сказать, что до сих пор в советской литературе этот пробел в исследовании философской эволюции Белинского не заполнен.

Что касается другого важного вопроса, который решается Плехановым по меньшей мере неточно, то о нем можно сказать следующее. Плеханов характеризует Белинского как просветителя, для социально-политических взглядов которого присущи антикрепостнические, антимоноархические черты. Его идеал он рассматривает в аспекте гуманистических идей революционного просветительства Радищева, в аспекте французских мыслителей XVIII в. Даже в период временного примирения с действительностью, по словам Плеханова, Белинский продолжал служить своим прогрессивным идеалам, постоянно протестовал против крепостного права. Об этом ярко говорит содержание его раннего произведения «Дмитрий Калинин».

Плеханов подчеркивает, что в ранний период своего идейного развития, особенно под влиянием произведений Шиллера, Белинский выступил противником существующих общественных порядков во имя «абстрактного идеала общества». «По его собственным словам, — замечает Плеханов, — эти драмы наложили на него тогда „дикую вражду с общественным порядком во имя абстрактного идеала общества, оторванного от географических и исторических условий развития, построенного на воздухе“». Впрочем, так влияли на него не одни только вышперечисленные произведения Шиллера... Мы очень просим читателя заметить это интересное свидетельство знаменитого критика о самом себе. Его молодое увлечение „абстрактным идеалом общества“ составляет в высшей степени важную страницу в истории его умственного развития, на которую до сих пор не обратили всего того внимания, какого она заслуживает».⁵⁵

Плеханов, таким образом, выделяет ранний этап в умственном развитии Белинского, как период, в котором тот отстаивает «абстрактный идеал общества», носящий гуманистический характер и, конечно, по существу в тех исторических условиях России антикрепостнический смысл. В философии Белинский искал теоретическое обоснование своих социально-политических стремлений. «Он, — утверждал Плеханов, — искал в философии пути к счастью, the road to happiness, как выражается байроновский Каин, — и, конечно, не к личному счастью, а к счастью своих ближних, к благу своей родной страны».⁵⁶

Нам представляется, что Плеханов в общем прав в характеристике взглядов Белинского раннего периода. Прав он и тогда, когда протестует против попыток писателей и критиков из либерального лагеря зачислить Белинского в «охранители» в период

⁵¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. IV, стр. 440.

⁵² В. Г. Белинский, Письма, т. I, стр. 266.

⁵³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. IV, стр. 445.

⁵⁴ Там же, стр. 446.

⁵⁵ Там же, стр. 431—432.

⁵⁶ Там же, стр. 435.

примирения последнего с действительностью. «Очень ошибся бы, однако, тот, — замечает он, — кто принял бы за охранителя, „примирившегося“ с русской действительностью, Белинского».⁵⁷ Белинский вовсе не поворачивается спиной к прогрессу. Он только собирается служить ему иначе.

Разрыв с «абсолютной философией» Гегеля, по словам Плеханова, всецело знаменует собой переход Белинского на сторону угнетенных. Это неточно: Белинский всегда был на стороне угнетенных, но теперь у него протест против угнетения человеческой личности означал борьбу против угнетения трудящихся в обществе. Ведь сам Плеханов справедливо при этом замечает, что Белинский быстро и решительно перешел к утопическому социализму.

Плеханов стремился главным образом выяснить у Белинского его теоретическую философскую сторону воззрений. Только в анализе эстетических взглядов Белинского он останавливается более подробно на связи их с социально-политическим движением народных масс. Плеханов не сумел раскрыть действительную природу философских, социологических и политических взглядов Белинского. Он не понимал, что они объективно отражали революционное движение крестьянских масс против крепостного права и самодержавия. Плеханов не мог вскрыть социальных корней мировоззрения Белинского в силу того, что он, как мы видели раньше, недооценивал революционную роль крестьянства в борьбе против самодержавия.

Эта социально-политическая основа теоретических воззрений Белинского была глубоко выяснена В. И. Лениным.

Большую заслугу Плеханова составляет его блестящий анализ эстетических воззрений Белинского, но у него встречаются и ошибочные положения, неточные формулировки в оценке тех или иных сторон эстетики Белинского.

Некоторые авторы работ о Плеханове нередко выдвигают при этом на первый план его ошибки и слабые стороны, затушевывая тем самым то важное обстоятельство, что именно Плеханов в борьбе с субъективизмом в эстетике дал первый марксистскую оценку эстетического наследия Белинского. Его характеристики и суждения в этом плане разбросаны по всем произведениям о Белинском.

В работе «Виссарион Григорьевич Белинский» Плеханов сформулировал эстетический кодекс Белинского: «Первый закон этого кодекса гласит, что поэт должен показывать, а не доказывать, мыслить образами, а не силлогизмами. Этот закон вытекает из того определения поэзии, согласно которому она есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах.

«Но если предмет поэзии есть истина, то правдивость составляет первое условие художественного творчества, а красота заключается в истине и простоте. Поэт должен изображать жизнь, как

⁵⁷ Там же, стр. 438.

она есть, не прикрашивая ее и не искажая. Это второй закон художественного кодекса Белинского.

«По смыслу его третьего закона, идея, лежащая в основе художественного произведения, должна быть конкретной идеей, охватывающей весь предмет, а не какую-либо его сторону.

«В силу четвертого закона форма художественного произведения должна соответствовать его идее, а идея — форме.

«Наконец, единству мысли должно соответствовать единство формы. Это значит, что все части художественного произведения должны составлять одно гармоническое целое. Это пятый и, если не ошибаемся, последний основной закон эстетического кодекса Белинского».⁵⁸

Вслед за этим, а также в более ранних произведениях Плеханов дополняет сформулированный им эстетический кодекс Белинского рядом весьма важных положений, среди которых он не раз отмечает народность как одно из решающих требований реалистической эстетики.

Известно, что Белинский выдвинул в истории литературы и эстетики реалистический принцип: искусство и литература должны быть выразителями дум и интересов народа. В произведениях Гоголя он усматривает начавшуюся новую историческую эпоху в литературе, так как в них «поэтизируется жизнь народа». Белинский высоко оценивал литературное творчество Кольцова, Крылова и других писателей, которое отражало жизнь народа. В своем «Письме к Гоголю» он отметил, что общество и народ видят в русских писателях своих естественных вождей, защитников и спасителей от самодержавия.

Выдвигая эстетический кодекс Белинского и солидаризируясь с его положениями, Плеханов вместе с тем критикует позицию Белинского в ряде конкретных случаев, отмечая, что тот не всегда одинаково интерпретировал свои правила.

Но указывая на недостатки конкретных оценок Белинским отдельных литературных направлений и произведений, Плеханов справедливо писал: «Но это частности. В общем необходимо признать, что, именно опираясь на свой кодекс, Белинский мог оказать русской литературе огромные услуги, отбросив, по выражению А. Н. Пыпина, старый романтический хлам и проложив путь для утверждения реализма гоголевской школы».⁵⁹

В своем анализе теоретических взглядов Белинского Плеханов указывал, что большой исторической заслугой Белинского является критика им немецкой идеалистической философии. Он был одним из первых, кто поднял знамя борьбы против немецкой идеалистической философии.

Его критический анализ немецкой идеалистической философии, по мнению Плеханова, во многом определил философские позиции

⁵⁸ Там же, стр. 532.

⁵⁹ Там же, стр. 533.

Чернышевского и Добролюбова. Он дал им возможность избежать многих исканий и ошибок на пути преодоления идеалистической философии Гегеля. В своих социально-политических взглядах Белинский был предшественником революционных демократов — Чернышевского и Добролюбова, что дало основание Плеханову назвать Белинского центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли.

Это была высокая и вместе с тем объективно-справедливая оценка значения теоретических взглядов Белинского.

Значительно менее удачным, а в ряде решающих вопросов ошибочным является анализ Плехановым философских и социологических взглядов Герцена. О социально-политическом мировоззрении Герцена Плеханов неоднократно говорит в работах, относящихся к 90-м и началу 900-х годов. Но специально философских воззрений Герцена он касается в более поздних работах, главным образом в статье «Философские взгляды А. И. Герцена», опубликованной в 1912 г. Эти сочинения были написаны в годы пребывания его в лагере меньшевиков, что наложило свою печать на трактовку им ряда весьма важных сторон социально-политических и теоретических воззрений Герцена.

Произведения Плеханова содержат и много правильных положений, раскрывающих некоторые стороны его мировоззрения и процесса формирования, развития философских взглядов. Эти произведения сыграли в свое время положительную роль в борьбе против фальсификации мировоззрения Герцена со стороны буржуазных идеологов.

Плеханов рисует нам Герцена как человека действия, активного борца против крепостного права и самодержавия, что нашло отражение прежде всего в его большой статье «А. И. Герцен и крепостное право». Дело в том, что ряд биографических эскизов того времени, написанных народническими и буржуазными авторами, искажал путь развития Герцена, который полностью связал свою судьбу с народом. «Борьба против крепостного права, — заявляет Плеханов, — стала его важнейшей целью».⁶⁰

Плеханов останавливается на эволюции социально-политических взглядов Герцена, справедливо указывая на его колебания между демократической и либеральной тенденциями по вопросу о характере и путях освобождения крестьянства от крепостного права и в то же время слишком преувеличивая «примирение Герцена», не делая четкого вывода о том, что демократическая тенденция у него в конечном счете брала верх над либеральной тенденцией.

В этой связи, раскрывая эволюцию взглядов Герцена по вопросу классовой борьбы, он считал, что «Герцен отнюдь не был принципиальным сторонником классовой борьбы».⁶¹ Касаясь дальнейших судеб западноевропейских стран, Плеханов подчеркивает это

⁶⁰ Там же, стр. 632.

⁶¹ Там же, стр. 636.

обстоятельство следующим образом: «Мы видим, что, рассуждая о возможной судьбе Запада, Герцен становится на точку зрения борьбы классов: победит рабочий класс — Западная Европа воскреснет к новой жизни; не победит — она окончательно разложится. Эта попытка определить дальнейший ход внутреннего развития данного общества, становясь на точку зрения происходящей в нем борьбы классов, сближает здесь Герцена с последователями современного научного социализма. Но не следует преувеличивать это сближение. Герцен только скрепя сердце приурочивает к борьбе классов свои упования на будущее торжество социализма в Западной Европе. Разрешение „социального вопроса“ путем классовой борьбы представлялось ему самым худшим средством его разрешения».⁶²

Отрицательное отношение Герцена к классовой борьбе Плеханов связывал с его приверженностью к утопическому социализму. Правда, у Плеханова встречаются положения, которые находятся в противоречии с этим основным утверждением. Так, например, он писал, что «Хотя Герцен сознательно предпочитал мирный ход развития революционному, но и он не стал бы возражать против деятельности акушеров, если бы в самом деле наступило время родов».⁶³

Безусловно в эволюции взглядов Герцена имел место период отрицательного отношения к классовой борьбе, но в дальнейшем он все ближе и ближе подходил к признанию ее. Вот этого важного процесса и не замечает Плеханов, а без учета этой эволюции невозможно понять переход Герцена в конце жизни на позиции рабочего Интернационала.

Справедливо подчеркивая связь Герцена с народом, с крестьянством, Плеханов вместе с тем в своем анализе его взглядов всячески выпячивает ту сторону их, в которой Герцен сомневается и больше того отрицает возможность революционной активности крестьянства. Герцен, замечает Плеханов, «от всей души сочувствует крестьянину, он верит в его умственные и нравственные качества, но он считает его находящимся в состоянии жалкой апатии».⁶⁴

Этот тезис Плеханов повторяет неоднократно. Касаясь вопроса о том, к какому сословию должен апеллировать Герцен в борьбе за уничтожение крепостного права, он заявляет: «Всего естественнее было бы обратиться к тому сословию, которое больше всех других страдало от крепостничества, т. е. к крестьянству. Но Герцен был по-своему совершенно последователен. Обратиться к крестьянству мог только тот, кто рассчитывал на его способность к политической деятельности. А Герцен совсем на нее не рассчитывал».⁶⁵

⁶² Там же, стр. 629.

⁶³ Там же, стр. 676.

⁶⁴ Там же, стр. 626.

⁶⁵ Там же, стр. 633.

Едва ли можно согласиться с таким мнением Плеханова. Оно имело известное основание при оценке первоначальных взглядов Герцена, но впоследствии он обращался к крестьянству. По-видимому, в плехановской характеристике позиции Герцена сказались влияние меньшевистской идеи нереволуционности крестьянства.

При всей ошибочности ряда положений Плеханова по вопросу о сущности социально-политических взглядов Герцена вместе с тем он правильно выдвигает весьма важные тезисы для истории общественной мысли в России, утверждая, что Герцен — прогрессивный и последовательный борец за освобождение крестьянства от крепостного права; в освобождении крестьянства он видел первый шаг на пути социалистического развития страны; Герцен — утопист-социалист, основоположник народнического социализма.

В речи на могиле А. И. Герцена в Ницце в 1912 г. Плеханов подчеркнул его интернациональную точку зрения, заключающуюся в признании им свободного самоопределения национальностей, а в рецензии на книгу В. Я. Богучарского «А. И. Герцен» отметил, что «Герцен чувствовал неудовлетворительность утопической основы тогдашних социалистических упований, он искал научной основы для социализма».⁶⁶

В связи с последним положением Плеханов указывал, что такое искание было облегчено у Герцена тем обстоятельством, что «он сначала прошел прекрасную школу мониста Гегеля, а потом тоже очень хорошую школу мониста Фейербаха».⁶⁷

Однако анализ философских воззрений Герцена, пожалуй, еще менее удался Плеханову, чем рассмотрение его социально-политических взглядов. В своей статье «Философские взгляды А. И. Герцена» он предпринимает попытку выяснить, как и в каком направлении развивалось его мирозерцание.

Плеханов указывает на два основных философских источника: на Гегеля и Фейербаха. Но в своем рассмотрении он преимущественно останавливается на влиянии Гегеля. Анализируя высказывания Герцена о его отношении к философии, особенно содержание «Писем об изучении природы», Плеханов приходит к заключению, что тот стоял на почве идеализма, хотя в своем развитии шел в направлении материализма.

В своей рецензии на книгу М. Гершензона «История молодой России» Плеханов писал: «На самом деле развитие Герцена и Огарева было развитием от Гегеля к Фейербаху, т. е. от идеализма к материализму, в противоположность г. Булгакову, развивавшемуся, как известно, от исторического материализма до Оптиной пустыни».⁶⁸

Однако в статье «Философские взгляды А. И. Герцена» Плеханов стремится преимущественно доказать идеалистический харак-

⁶⁶ Там же, стр. 785.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стр. 770.

тер позиции Герцена. При этом он очень мало касается вопроса эволюции Герцена в сторону материализма.

Сопоставляя высказывания Герцена, Плеханов приходит к заключению, что тот оставался под влиянием Гегеля, несмотря на то, что некоторые положения его работ, в том числе «Письма об изучении природы», носят реалистический смысл: «... знаменитые „Письма об изучении природы“, наивно принимаемые некоторыми историками нашей литературы за нечто вроде „реалистического“ манифеста Герцена, неоспоримо доказывают, что автор их находился под сильным влиянием идеализма — и именно гегелева идеализма».⁶⁹

Такой ошибочный вывод Плеханова, по-видимому, основывался на том, что у Герцена не только сохранилась гегелевская терминология при изложении собственных философских взглядов, но и что он, эволюционируя в сторону материализма, неизбежно сохранил некоторые «родимые пятна» прошлого, идеалистического мировоззрения, которого он когда-то придерживался. Герцен постепенно и не сразу сбрасывал с себя платье идеализма. Перейдя на позиции материализма, он неизбежно сохранил отдельные идеалистические положения и отчасти идеалистическую терминологию. Но, по существу, Герцен стал уже материалистом, овладевавшим диалектикой.

В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» говорит о том, что Герцен подошел вплотную к диалектическому материализму. Эта характеристика точна и предельно правильно отражает последний этап его эволюции.

Плеханов же акцентирует свое внимание лишь на идеалистических ошибках и идеалистической терминологии, как и на некоторых неясных положениях Герцена.

Анализ Плеханова тем самым ошибочен в корне. Но как же он объясняет в произведении Герцена «Письма об изучении природы» ряд беспорядочных глубоких материалистических положений? Плеханов заявляет по этому поводу: «Герцен идет в них ощупью. Время от времени ему случается поставить ногу на твердую „реалистическую“ почву; но чаще всего он ставит ее на ту самую почву идеализма, которую он находит нужным покинуть. И в конце концов даже совершенно верные замечания его против идеалистов приобретают уже отмеченный мной гораздо более узкий смысл критических выпадов против сторонников субъективного идеализма».⁷⁰

В итоге Плеханов утверждает: «... общее правило то, что Герцен продолжает держаться идеализма».⁷¹

Положительной стороной анализа Плеханова философских взглядов Герцена является указание на их диалектический харак-

⁶⁹ Там же, стр. 686.

⁷⁰ Там же, стр. 687.

⁷¹ Там же, стр. 691.

тер. Первоначально в статье «А. И. Герцен и крепостное право» он считал, что Герцен «недостаточно оценил диалектическую сторону гегелевой философии».⁷²

Но в дальнейшем Плеханов писал, что когда у него речь идет о влиянии Гегеля на философские взгляды Герцена, он имеет в виду не идеалистическую, а диалектическую сторону его философии. При этом Плеханов ссылаясь на «Письма об изучении природы», где Герцен блестяще раскрывает свой диалектический взгляд на мир.

Плеханов даже проводил параллель между тем, что было изложено Герценом в начале 40-х годов и тем, что было написано Энгельсом в 70-х годах: «До такой степени мысли первого похожи на мысли второго. А это поразительное сходство показывает, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а стало быть, и Маркса. Недаром Герцен проходил ту же школу Гегеля, через которую прошли почти одновременно с ним основатели научного социализма».⁷³

Однако тут же в соответствии с принятой ошибочной концепцией Плеханов заявляет, что диалектика Герцена оставалась идеалистической.

Что касается анализа Плехановым взглядов Герцена на исторический процесс, то следует отметить правильную постановку им вопроса о том, что Герцен все больше и больше чувствовал несостоятельность исторического идеализма, которого он придерживался. Это нашло свое отражение, как отмечает Плеханов, и в понимании им неудовлетворительности обоснования современного утопического социализма. Плеханов делает весьма важный вывод о том, что взгляды Герцена развивались в направлении исторического материализма: «Болезненно почувствовав несостоятельность исторического идеализма в деле выяснения вопроса о связи мышления с бытием в истории человечества, Герцен естественно, хотя, должно быть, и не вполне сознательно, обратился в сторону исторического материализма».⁷⁴

Плеханов справедливо обращает внимание на этот весьма важный процесс во взглядах Герцена, а также на то, что тот все более и более видел отсутствие объективного обоснования утопического социализма. «Что передовые русские люди 40-х годов не могли сделаться основателями научного социализма, — замечает он, — это в достаточной мере объясняется экономической отсталостью России и их неполным знакомством с экономикой Запада. Но что эти люди дошли до сознания неудовлетворительности утопического социализма, это свидетельствует об их выдающейся даровитости. Конечно, тут чрезвычайно много значила школа Гегеля, через которую они имели великое счастье пройти. Но очень многие

⁷² Там же, стр. 672.

⁷³ Там же, стр. 703.

⁷⁴ Там же, стр. 728.

немецкие социалисты тоже испытали на себе благотворное влияние Гегеля; однако между ними только Маркс и Энгельс поняли, каким образом социализм из утопии может сделаться наукой. Все остальные гегельянцы (и фейербахианцы), увлекавшиеся социализмом, вполне довольствовались его утопической основой. Вот почему мы с полным правом можем считать наших Белинского и Герцена людьми несравненно более даровитыми, нежели Грюн, Гесс, Земмиг, Фр. Шмидт и другие философские социалисты Германии».⁷⁵ Герцен шел в направлении исторического материализма и приближался к точке зрения научного социализма — этот неотразимый вывод справедливо делает в конечном счете Плеханов. Но он не замечает, что этот вывод приходит в противоречие с его анализом общеполитической точки зрения Герцена, которую он рассматривал как идеалистическую.

Как можно было говорить о приближении Герцена к историческому материализму, если он в исходных положениях философии, по Плеханову, придерживался идеализма.

Неправильное освещение общеполитического мировоззрения Герцена не помешало, однако, Плеханову сделать в конечном счете вывод о его великой роли в освободительном движении и общественной мысли России.

В лице Белинского, Чернышевского, Герцена и других русских просветителей-демократов он видел мыслителей, идеи которых наследуют марксисты в России в противоположность идеям субъективистов-народников, против которых марксисты борются. «После шестидесятих годов, — писал Плеханов, — осталось наследство различного рода. Шестидесятыми годами завещаны нам идеи „Современника“. К этим идеям, повторяем, мы гораздо ближе, чем гг. субъективисты. Но те же шестидесятие годы завещали нам самого г. Михайловского и некоторых других субъективистов. От этого наследства мы отмахиваемся обеими руками; его нам не нужно».⁷⁶

Произведения Плеханова, раскрывшие мировоззрение Белинского и Чернышевского, их значение в основании прогрессивных идей в области эстетики и литературы, доводили до русского общества революционную теорию, полную прогрессивного содержания и противостоящую субъективистским идеалистическим взглядам народнических и буржуазно-либеральных идеологов. В этом и заключалось их историческое значение, несмотря на ошибки, от которых они не были свободны. Плеханов дал отпор фальсификаторам и идеалистическим «критикам», пытавшимся зачеркнуть революционное и научное творчество великих русских мыслителей.

⁷⁵ Там же, стр. 733.

⁷⁶ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, М., 1937, стр. 156.